

— Господин... — попытался было что-то сказать Чу Сун, но Яньгу остановил его властным взмахом руки.

— Довольно слов. Ты сам навлёк на себя эту кару, теперь пришло время платить по счетам.

Едва Яньгу договорил, как призрачные стражи шагнули вперёд и, крепко перехватив Чу Суна под руки, увлекли его прочь.

— Вань-эр!.. — отчаянно закричал Чу Сун.

Его тащили силой, но он всё равно тянулся назад, тщетно пытаясь обнять возлюбленную, которую так долго искал и наконец встретил.

Бу Вань стояла точно громом поражённая. Когда туман перед её глазами наконец рассеялся, Чу Суна уже увели.

— Муж... Муж мой... — едва слышно прошептала она, но было слишком поздно.

— Бу Вань, — тихо произнёс Яньгу, — хоть ты и не желала никому зла, твой земной путь окончен. Оставь бывшие горести здесь и отправляйся на перерождение. В следующей жизни тебе больше не придётся познать этот страх и боль.

Люцзин заглянул в Книгу Жизни и Смерти. Будущее Бу Вань сулило ей счастье: в следующем воплощении ей суждено было родиться в знатной семье, выйти замуж за достойного человека и прожить с ним в согласии до глубокой старости.

— Но если я снова стану человеком, как уберечься от новых невзгод? — грустно улыбнулась женщина. — Господин Яньгу, умоляю, позвольте мне остаться в Подземном царстве. Я готова отказаться от перерождения и навеки остаться призраком.

Оказывается, порой нежелание любить вновь — это тоже своего рода стойкость.

Люцзину стало искренне жаль её:

— Подумай хорошенько, Бу Вань. Твоя следующая судьба прекрасна, тебя ждёт верный спутник, с которым вы разделите жизнь до самого конца.

Бу Вань горько усмехнулась:

— В этой жизни у меня было двое мужчин — Чу Сун и Цзян Дун. Разве кто-то из них был плох? Чу Сун подарил мне любовь, когда я была совсем юной и глупой. Цзян Дун окружил меня

заботой и теплом, когда я осталась без гроша на улице. Но познав любовь, я узнала и то, сколько в ней боли и горечи. Да, я ненавижу Чу Суна, но разве эта ненависть родилась не из былой любви?

— Ты действительно всё для себя решила? — видя её непреклонность, спросил Яньгу.

— Я смертельно устала от людских разлук и потерь. Устала от пустых надежд и вечной тоски, от которой невозможно избавиться. Я добровольно отказываюсь от права родиться вновь. Позвольте мне вечно служить призраком здесь, в Фэнду.

С этими словами Бу Вань склонилась в глубоком, почтительном поклоне.

— Что ж, будь по-твоему. Я подберу для тебя занятие в Подземном царстве, чтобы ты могла обустроиться на новом месте.

Хоть Яньгу и промолчал, Люцзин сразу понял, что тот согласен.

Бу Вань поднялась с колен:

— Благодарю вас, господин судья.

Люцзин мягко махнул рукой и приказал одному из прислужников увести её. Обо всём остальном можно было подумать позже, когда закончатся сегодняшние допросы. День только начался, а Палату Яньло уже всколыхнула такая драма, что до самого вечера стражи и писцы работали словно в полусне. Многие из них провели на службе в загробном мире не одну сотню лет и давно позабыли, каково это — чувствовать по-человечески. За свою посмертную жизнь они повидали слишком много чужих смертей, но сегодняшняя история растревожила даже их очерствевшие души, оставив после себя лишь горькую смесь гнева и сожаления.

Люцзину не давало покоя смутное ощущение, что во всём этом крылся какой-то знакомый мотив. И правда, разве не было у него перед глазами живого примера? Кое-кто из его близких знакомых точно так же сгубил целых двадцать лет жизни из-за одного-единственного слова — «любовь». И Синьи, и Бу Вань оказались в ловушке судьбы: обе потеряли защитников, обе от безысходности решились на второй брак. Вот только Цзюцин оказался куда благоразумнее Чу Суна. Он не позволил себе переступить черту и не совершил того, о чём пришлось бы горько жалеть.

— Лавка, конечно, небольшая, но готовить мозговое суфле места тебе хватит.

Когда дневные заботы наконец остались позади, Люцзин, как и обещал, разыскал Бу Вань. До этого прислужники временно устроили её в одном из внутренних покоев дворца. Закончив с делами, Люцзин отвёл женщину на Призрачный рынок. Лавчонка, которую он для неё присмотрел, ютилась на одной из здешних улочек. Места там и впрямь было немного, но

аренда всё равно влетела Люцзину в копеечку — пришлось выложить почти всё жалованье за два месяца.

Бу Вань окинула взглядом лавку, которая снаружи и внутри почти ничем не отличалась от обычных заведений в мире живых, благодарно кивнула и тихо произнесла:

— Вашу доброту, господин судья, я сберегу в своём сердце до конца времён.

Люцзин понимал, что снять помещение — это лишь полдела, настоящие трудности начнутся дальше. Он ободряюще улыбнулся:

— Ты ведь только недавно покинула мир живых, так что тебе наверняка пока не по себе от вида мёртвых тел. Не переживай, я уже договорился с хозяином лавки «Истинный аромат трупа». Он будет каждый день откладывать для тебя свежие мозги людей и животных. А сколько готовить — решай сама, смотри по силам.

По сути, это варево мало чем отличалось от обычного соевого творога, который Бу Вань крутила при жизни, так что набить руку для неё не составило бы труда.

Лицо Бу Вань оставалось мертвенно-бледным, с лёгким зеленоватым отливом, но она смотрела твёрдо:

— Раз уж я сама стала призраком, глупо бояться мертвечины. Не беспокойтесь, господин судья, я справлюсь.

— Вот и славно. Тогда устраивайся и отдыхай. Если возникнут какие-то трудности, ты всегда сможешь найти меня в Палате Яньло.

Люцзин попрощался и направился к выходу. Сделав пару шагов, он всё же остановился и с беспокойством обернулся. Бу Вань стояла у косяка, сиротливо прижав руки к груди. Помедлив, он не выдержал:

— Если передумаешь насчёт перерождения... знай, у тебя всё ещё есть выбор.

Бу Вань слабо, но искренне улыбнулась:

— В Подземном царстве служат такие милосердные судьи, как вы и господин Яньгу. О чём ещё мне просить?

Люцзин негромко вздохнул:

— Если всё-таки затоскуешь по нему... ты можешь навестить его в Аду медных столбов.

Женщина вздрогнула, и улыбка мгновенно сошла с её лица. Не проронив больше ни слова, она медленно притворила тяжелые двери лавки.

Ночи в загробном мире всегда дышали леденящей сыростью. Сможет ли она к ней привыкнуть?

Люцзин в одиночестве поднялся в мир смертных. Отыскав по памяти место, где Бу Вань провела свои последние земные дни, он соткался из воздуха перед её прежним жилищем — покосившейся глинобитной мазанкой. На ветру сиротливо покачивался поминальный фонарь, а над притолокой белел траурный иероглиф «Дела упокоения», украшенный длинными лентами. От всей этой картины веяло беспросветной тоской.

Скрыв свою ауру чарами, Люцзин проскользнул внутрь. Дворик оказался на удивление чистым и ухоженным. Справа вились плети фасоли и огурцов, усыпанные сочными, омытыми росой листьями, а в левом углу, нахохлившись, дремали домашние птицы. Здесь могло бы царить тихое крестьянское счастье, если бы не...

В главном зале горел тусклый свет. У поминального алтаря сидел лишь один человек — рослый, крепко сбитый мужчина, неусыпно охранявший покой усопшей супруги. Это был Цзян Дун. Даже сквозь его глубокую скорбь угадывалась природная сила и честность простого труженика. Да, Бу Вань не ошиблась в нём — он действительно был хорошим мужем.

Люцзин бесшумно прокрался в соседнюю комнату. Там на узкой кровати спала шестилетняя дочка Бу Вань. На её детских щечках запеклись дорожки от горьких слёз. Люцзин опустился на колени перед постелью и ласково коснулся её мягких волос. Тонкие черты лица девочки неувлимо напоминали мать — в будущем она наверняка расцветёт и станет настоящей красавицей.

— Не бойся, маленькая, — едва слышно прошептал он, — твоя матушка теперь в хорошем месте, и ей больше не больно. Расти послушной и сильной. Пройдёт совсем немного времени, и она навестит тебя, а когда-нибудь, через много лет, вы обязательно встретитесь вновь.

Люцзин усмехнулся про себя — похоже, на должности судьи он стал слишком сентиментальным. Он достал из широкого рукава расшитый мешочек с монетами и осторожно положил его на край подушки. Маленькая дочка была главной заботой ушедшей Бу Вань. В кошельке лежало серебро, оставшееся после ужина в Праздник середины года. В загробном мире эти деньги Люцзину всё равно были ни к чему, а здесь они помогут Цзян Дуну поднять девочку на ноги. Это было меньшее, что он мог сделать, чтобы облегчить душу покойной матери и исполнить последнее невысказанное желание Чу Суна.

Решив больше не задерживаться у поминального алтаря, Люцзин бесшумно перемахнул через невысокую ограду. Однако стоило ему коснуться земли, как чья-то сильная рука крепко ухватила его за правое запястье и резко потянула на себя. Теряя равновесие, он стал заваливаться назад. Пальцы Люцзина уже сложились в защитный жест, готовые высвободить

боевое заклинание, но в последнее мгновение он успел разглядеть лицо нападавшего и замер. Из-за этой секундной заминки он со всего маху влетел прямо в чужие объятия.

Раздался глухой стук — от такого столкновения у Люцзина искры из глаз посыпались, а многострадальный нос отозвался острой болью.

Яньгу тут же ослабил хватку и бережно коснулся его лица, принимаясь аккуратно растирать ушибленный нос:

— Ну что же ты так неосторожно? Сильно ударился?

Люцзин обиженно шмыгнул носом. Если бы этот несносный бог не дёрнул его так резко, разве пришлось бы терпеть такую боль на ровном месте?

— И это ты мне говоришь? — проворчал он, убирая его руку. — Зачем вообще было хватать меня среди ночи?

Яньгу лишь безмятежно пожал плечами, ничуть не раскаиваясь в содеянном:

— Заметил, как кто-то тайком крадётсЯ из чужого двора, и решил проверить, что за воришка. Откуда мне было знать, что это ты?

Люцзин насупился. Выходило, что он сам во всём виноват?

— И кто, по-твоему, станет посреди ночи искать неприятности и вламываться в дом, где только что случилась смерть? — буркнул он, сердито зыркнув на собеседника.

Яньгу снова потянулся к его лицу и легонько щелкнул по кончику носа, соорудив самую невинную гримасу:

— Вот именно. Кто же знал, что этим чудаком окажешься ты?

С этим невыносимым созданием спорить было бесполезно. Люцзин сердито шлёпнул его по ладони и зашагал прочь по безлюдной дороге.

Яньгу тут же пристроился следом, посмеиваясь:

— Эй, Люцзин, ты что, действительно обиделся?

Неужели он выглядел настолько мелочным?

Не дождавшись ответа, Яньгу ускорил шаг и поравнялся с ним:

— И всё же, зачем ты сюда приходил?

Люцзин скосил на него глаза:

— А ты сам-то зачем явился?

Яньгу мягко улыбнулся:

— За тем же, зачем и ты.

— Тоже мне, великий таинственный бог... — фыркнул Люцзин, но всё же пояснил: — Я помог Бу Вань обустроиться. Она безумно переживала за дочку, вот я и решил спуститься, проверить, как там девочка.

Яньгу понимающе кивнул, а затем негромко спросил:

— Скажи, а история Бу Вань и Чу Суна... заставила тебя задуматься о чём-то важном?

— Задуматься? О чём ты?

Яньгу негромко рассмеялся:

— Неужели не видишь очевидного сходства? Судьбы Бу Вань и Чу Суна — это ведь зеркальное отражение истории Синьи и Цзюцина.

Люцзин недовольно прищелкнул языком:

— Вовсе нет. Цзюцин куда благоразумнее этого безумца. Он ни за что на свете не причинил бы Синьи вреда и не обрёк бы её на скорую смерть. Да и Синьи никогда бы так не обошлась с Цзюцином.

Яньгу весело усмехнулся:

— Ты правда так считаешь?

Люцзин уверенно кивнул:

— Сам ведь видел их в Праздник середины года. Разве у них всё не наладилось?

— Ах, ты... — Яньгу лишь покачал головой. — Ты действительно стал другим.

«Стал другим?» — Люцзин озадаченно нахмурился.

— С чего вдруг такие выводы? Разве я не всегда был таким?

— Да так... Просто теперь ты суёшь свой нос в чужие дела гораздо чаще, чем раньше. — Трудно было понять, хвалит он его или поддразнивает.

Они миновали городские ворота и вышли на просёлочную дорогу. В ночных полях лениво кружились мириады светлячков. Крошечные огоньки то уносились вдаль, то вспыхивали у самого лица, а несколько светящихся крупниц закружились прямо вокруг Яньгу, озаряя его силуэт мягким призрачным сиянием.

В этом сказочном мерцании Яньгу выглядел настолько пленительно и неземно, что в памяти Люцзина сама собой всплыла старая песенка:

«Яньгу, о Яньгу, очи черны, алы одежды... На лампе станцует — взметнутся искры надежды...»

Яньгу вздрогнул и замер как вкопанный, во все глаза уставившись на спутника. Люцзин сделал ещё пару шагов, прежде чем заметил, что остался один. Он обернулся. Их разделяло всего два шага, заполненных тихим сиянием кружащих светлячков.

Сердце Яньгу забилось так неистово, словно готово было выпрыгнуть из груди, а голос заметно дрогнул:

— Что ты... что ты сейчас сказал?

— Неужели ты позабыл этот мотив? — Люцзин мягко улыбнулся, глядя ему прямо в глаза. — Знаешь, я только сейчас понял... Тот прекрасный незнакомец, которого я когда-то встретил посреди бескрайнего моря цветов, был точь-в-точь как ты.

Яньгу сжал кулаки с такой силой, что ногти больно впились в ладони. Лишь когда эта резкая боль немного отрезвила его, он заставил себя улыбнуться в ответ:

— Разумеется, я помню эту песню. И того, для кого она пелась, я храню в памяти до сих пор. Вот только тот, кого ты видел тогда в цветах...

Люцзин не до конца понял скрытый смысл его слов, но на душе почему-то сделалось смутно и

ТОСКЛИВО.

— Раз это был не ты, то и говорить не о чем. Пойдём домой.

Яньгу упрямо отрицал очевидное, но Люцзин твёрдо решил, что рано или поздно докопается до истины.

Яньгу тихо последовал за ним:

— Идём.

Мозговое суфле от Бу Вань мгновенно стало настоящим хитом в Подземном царстве — у прилавков каждый день выстраивались огромные очереди. Здешние обитатели годами давились пресной и однообразной пищей, поэтому появление нового деликатеса вызвало небывалый ажиотаж. Жители Фэнду буквально дрались за право урвать лакомый кусочек.

Лишь спустя месяц после открытия лавки у Люцзина наконец выкроилось свободное время, и он позвал Яньгу сходить в гости к Бу Вань. Ему хотелось не только поздравить новоиспечённую хозяйку с успешным делом, но и подбодрить её, чтобы она не чувствовала себя совсем одинокой в холодном призрачном мире.

Люцзину было немного неловко, что визит вежливости затянулся на столь долгий срок. Захватив нарядную коробку с подарком, он заглянул в кабинет Яньгу. Тот сидел за столом, сосредоточенно перебирая судебные свитки.

— Сегодня выдался тихий денёк, — улыбнулся Люцзин, облокотившись на край стола. — Не хочешь составить мне компанию и заглянуть в лавку к Бу Вань?

Кисть в руке Яньгу на мгновение замерла над бумагой, но уже в следующую секунду он быстро вывел последний иероглиф и отложил её в сторону:

— С удовольствием.

Появление Яньгу на улицах города всегда вызывало у местных жителей бурю благоговения и восторга. Стоило им войти на территорию Призрачного рынка, как призраки со всех сторон поспешили выказать своё почтение. А когда разнеслась весть о том, что сам Король Яма держит путь в скромную лавку мозгового суфле, праздные зеваки тут же решили увязаться за ними.

В итоге к заведению Бу Вань они подошли во главе внушительной кавалькады из доброго

десятка привидений. Зрелище, надо сказать, вышло весьма помпезным.

Немногие посетители, мирно обедавшие за столиками, при виде такого грозного шествия торопливо вскочили со своих мест, освобождая проход. Бу Вань, услышав шум, поспешно вышла из кухни. Увидев Люцзина, Яньгу и целую толпу призраков у них за спиной, она на мгновение лишилась дара речи:

— Ой... Господа, неужели это всё к нам?..

Люцзин слегка приподнял подарочную коробку и виновато улыбнулся:

— Они прослышали, что мы с Яньгу идём поздравить тебя с успешным началом дела, и непременно захотели выразить почтение лично.

Придя в себя, Бу Вань радушно засуетилась, зазывая гостей:

— Проходите, проходите! Господин Яньгу, господин судья, присаживайтесь, пожалуйста!

Яньгу сдержанно кивнул и прошёл к самому чистому столику у окна. Люцзин уже собирался пристроиться рядом, но зазевался, перекинувшись парой слов с хозяйкой лавки, и свободное место тут же наглым образом заняли примазавшиеся призраки. Судье ничего не оставалось, кроме как с досадой вздохнуть и усесться за соседний стол, мысленно обзывая незваных гостей беспардонными нахалами.

<http://bllate.org/book/18339/1863116>